

УДК 908

doi: 10.21685/2072-3024-2025-1-9

**Революционные события начала XX в. глазами
православного духовенства (по материалам
«Пензенских епархиальных
ведомостей» 1905–1910 гг.)**

С. В. Домнин

Пензенская духовная семинария Пензенской епархии
Русской православной церкви, Пенза, Россия

serafim.mitr@gmail.com

Аннотация. *Актуальность и цели.* Актуальность избранной темы определяется необходимостью исследования опыта преодоления кризисных тенденций в условиях модернизации российского общества и поиском путей к обеспечению единства и согласия в настоящее время. Цель исследования – анализ восприятия и исторических оценок православным духовенством революционных процессов начала XX в., а также роли Русской церкви в общественной жизни страны накануне крушения империи. *Материалы и методы.* Анализируются взгляды представителей православного духовенства на причины и предпосылки революционных событий, взаимоотношений Русской церкви с разными слоями общества и политическими партиями. В качестве источника для изучения данной проблемы использованы материалы «Пензенских епархиальных ведомостей» (1905–1910 гг.). Методология исследования построена на принципах системного подхода к рассмотрению вопросов истории повседневности российского общества. Диахронический метод был применен для анализа проблемы в исторической ретроспективе, а синхронический метод позволил показать позицию Русской церкви на фоне происходящих исторических событий. *Результаты.* Исследовано отношение православного духовенства к проблемам революционного движения, дана характеристика взглядам конкретных священнослужителей на причины политической нестабильности российского общества и пути преодоления социального кризиса. *Выводы.* Анализ публикаций «Пензенских епархиальных ведомостей» позволяет сделать вывод о том, что с 1905 по 1908 г. авторы журнала искали ответы на три вечных вопроса российской истории: «Что происходит?», «Кто виноват?», и «Что делать?». На фоне революционных событий и кризиса синодальной системы авторы констатировали нарастание противоречий и в церковной среде, бюрократизацию Русской церкви, падение общественного авторитета духовенства; указывали на необходимость церковного реформирования и обновления приходской жизни. Своеобразная «революционная ситуация» внутри самой Церкви проявилась в формировании недовольства значительной части духовенства политикой Святейшего синода и обер-прокурора. Первая русская революция была оценена как анархия, политическая смута, общественное несчастье. В условиях нарастающего противоборства классов и ожесточенной полемики разных политических партий духовенство пыталось определить свой социальный статус и роль в грядущих переменах. Церковные авторы подчеркивали близость духовенства к интеллигенции, которую часто критиковали, и крестьянству. Русская церковь пыталась соотнести христианские идеалы с политикой, поскольку была вынуждена искать свою платформу среди программ других партий. Политические доктрины левых партий вызывали критику церковных авторов, некоторые из которых подчеркивали несовместимость социализма и христианства. Однако звучали мнения, что духовенство не может устраниваться от участия в общественной и политической жизни.

© Домнин С. В., 2025. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License / This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: Русская православная церковь, «Пензенские епархиальные ведомости», православное духовенство, революция, освободительное движение

Для цитирования: Домнин С. В. Революционные события начала XX в. глазами православного духовенства (по материалам «Пензенских епархиальных ведомостей» 1905–1910 гг.) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2025. № 1. С. 100–109. doi: 10.21685/2072-3024-2025-1-9

Revolutionary events of the early 20th century through the eyes of the orthodox clergy (by the materials of Penza diocesan journal 1905–1910)

S.V. Domnin

Penza Theological Seminary of the Penza Diocese
of the Russian Orthodox Church, Penza, Russia

serafim.mitr@gmail.com

Abstract. *Background.* The relevance of the chosen topic is determined by the need to study the experience of overcoming crisis trends in the context of modernization of Russian society and the search for ways to ensure unity and harmony at the present time. The purpose of the study is to analyze the perception and historical assessments by the Orthodox clergy of the revolutionary processes of the early 20th century, as well as the role of the Russian Church in the public life of the country on the eve of the collapse of the empire. *Materials and methods.* The article analyzes the views of representatives of the Orthodox clergy on the causes and background of revolutionary events, the relationship of the Russian Church with different segments of society and political parties. The materials of the Penza Diocesan Journal (1905–1910) were used as a source for studying this problem. The research methodology is based on the principles of a systematic approach to the consideration of issues of the history of everyday life in Russian society. The diachronic method was used to analyze the problem in historical retrospective, and the synchronic method allowed us to show the position of the Russian Church against the background of historical events. *Results.* The article examines the attitude of the Orthodox clergy to the problems of the revolutionary movement, characterizes the views of specific priests on the causes of political instability in Russian society and ways to overcome the social crisis. *Conclusion.* An analysis of the publications of the Penza Diocesan Journal allows us to conclude that from 1905 to 1908 the authors of the journal were looking for answers to three “eternal” questions of Russian history: “What is happening?”; “Who is to blame?”; “What should I do?”. Against the background of revolutionary events and the crisis of the synodal system, the authors noted the growing contradictions in the church environment, the bureaucratization of the Russian Church, the decline in the public authority of the clergy; pointed to the need for church reform and renewal of parish life. A peculiar “revolutionary situation” within the Church itself manifested itself in the formation of dissatisfaction among a significant part of the clergy with the policies of the Holy Synod and the Chief Prosecutor. The first Russian Revolution was estimated as “anarchy”, “political turmoil”, “public misfortune”. In the context of the growing confrontation of classes and fierce controversy of various political parties, the clergy tried to determine their social status and role in the coming changes. Church authors emphasized the closeness of the clergy to the intelligentsia, which was often criticized, and the peasantry. The Russian Church tried to correlate Christian ideals with politics, as it was forced to look for its platform among the programs of other parties. The political doctrines of the left-wing parties were criticized by church authors, some of whom emphasized the incompatibility of socialism and Christianity. However, there were opinions that the clergy could not withdraw from participation in public and political life.

Keywords: Russian Orthodox Church, Penza Diocesan Journal, Orthodox clergy, revolution, liberation movement

For citation: Domnin S.V. Revolutionary events of the early 20th century through the eyes of the orthodox clergy (by the materials of Penza diocesan journal 1905–1910). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities*. 2025;(1):100–109. (Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2025-1-9

Начало XX в. для Российской империи стало прологом к смене модели общественного развития, эпохой революционной ломки общественно-политического строя. Русская церковь в сложившихся обстоятельствах оказалась перед лицом новых вызовов. Так, М. В. Шкаровский убежден, что к началу XX в. Русская православная церковь находилась в состоянии «глубокого внутреннего кризиса, причиной которого послужило «введение синодальной системы с подчинением Церкви бюрократическому аппарату» [1]. Солидарна с этим утверждением и Н. Г. Карнишина: «Русская православная церковь была прочно вписана в бюрократический механизм государства» [2, с. 15].

В данной статье автор задался целью ответить на вопрос о том, какой предстала провинциальная повседневность и общественно-политическая ситуация 1905–1917 гг. в глазах духовенства Пензенской епархии. Наиболее информативным источником для поиска ответа на этот вопрос являются «Епархиальные ведомости», местные официальные церковные периодические издания (журналы), выходившие в 63 епархиях Русской православной церкви.

Епархиальные авторы искали ответы на три болевых вопроса российской истории: «Что происходит?», «Кто виноват?», «Что делать?». Очевидцам и современникам Первой русской революции было важно осмыслить причины социального взрыва, понять роль каждого общественного слоя и класса, определить собственную причастность к происходящим событиям. Духовенству предстояло, в дополнение ко всему перечисленному, помимо пастырского служения погрузиться в споры разных политических партий и искать ответ на вопрос, в каких пределах является допустимым участие пастырей в политической жизни, как соотносится христианство с политическими доктринами.

Тематические заголовки статей соответствуют общему направлению размышлений их авторов: «Духовный паралич общества», «Кто же виноват и где искать выхода?», «Приниженность духовенства», «Что нам делать?», «Пастырство и политика», «В чем причина наших общественных несчастий?» и др.

Так, на вопрос о том, что происходит в России, безымянный автор отвечал: «политическая смута и нравственная анархия» [3, с. 715]. В другой статье, тоже безымянной, картина происходившего отражает трагические подробности: «Пробуждение и расширение политической жизни в России залило кровью ее, наполнило ужасами, преступлениями, навело на всех страх и трепет... Сильно давила наш народ бюрократическая политика; но в тысячу раз ужасней оказалась революционерная ломка ея» [4, с. 300].

Характерной чертой провинциальной повседневности в 1905–1907 гг. стали антицерковные настроения, которые начали охватывать широкие народные

массы. Нередкими были случаи бойкотирования, изгнания священников, погромы домов и даже убийства. Например, священник Головин, который служил в с. Муромине Рязанского уезда, свидетельствовал: «Забастовка у нас, – пишет о. Головин, – выразилась в следующей форме. Фабричные отказались работать на суконной фабрике Арацкова в с. Муромине. Затем прошли по улицам толпы народа с красными флагами, с песнями и с криками “ура”; заходили к старшине, врачу, управляющим, священникам и требовали пройти с ними по улице, якобы ради великого народного праздника свободы. Отказывающимся наносили оскорбления, а меня прямо-таки схватили и потащили на улицу без шапки и обутого на босу ногу. Конечно, я тотчас же ушел, но вслед кричали: “долой попов!”, “обманщики попы”, “общественные паразиты! Хамы!”» [5, с. 333].

Другой священник, Владимир Иссинский, приводит примеры уничижительных оценок духовенства в повседневной жизни со стороны современников: «Ни о ком, кажется, у нас на Руси не ходит столько нелепых рассказов, обидных поговорок, оскорбительных примет и суеверий, как о православном духовенстве, преимущественно о священниках. Говорят и о поповских будто бы завистливых глазах, и о поповских широких карманах, о поповской ненасытности и алчности, о поповской неводержности и грубости» [6, с. 951]. Иссинский обратил также внимание на проявления негативного отношения к духовенству на политическом уровне со стороны всех партийных сообществ – левых, либеральных и правых партий. По его мнению, враждебное отношение общества к духовенству отразилось не только в партийной печати, но и в светской литературе: «Вы самозванцы, вы обманщики... Для чего вы протягиваете ваши рабские руки к школам? Чему вы можете учить народ? Новый общественный строй смывает вас с лица земли; только в истории останется одна черная страница. Вы не соль земли, вы грязь земли...» [6, с. 955].

Нагнетание нетерпимого отношения к духовенству на страницах светских печатных изданий происходило на фоне нарастающей волны беспорядков, краж церковных денег и имущества, нападений на церковнослужителей [7, с. 1007]. Например, вечером 8 июля 1906 г. толпа крестьян с. Чуфарова Саранского уезда при участии женщин и даже детей, вооруженная косами, топорами, вилами и кольями, сделала открытое нападение на плодовый сад Чуфаровского Троицкого женского монастыря, изломав изгородь и причинив значительный вред плодовым деревьям. При этом крестьянами было унесено до 400 пудов яблок и расхищено имущество караульщика. Заведующая садом монахиня получила два удара в бок косою. Толпа бунтовала всю ночь, ругаясь и распевая песни. Монастырские рабочие не могли остановить этот беспорядок [8, с. 862–863].

В мае 1907 г. Пензенская губерния была шокирована убийством ректора Пензенской духовной семинарии. В статье «Ужасное злодеяние» сообщались подробности трагического события. Архимандрит Николай Орлов был убит тремя выстрелами в аллее, ведущей от семинарского корпуса к его квартире, куда он возвращался после педагогического собрания Правления семинарии. Неизвестный автор недоумевал: «...о. архимандрит Николай не служил в Пензе и 5 месяцев. Какие были побуждения к убийству этого молодого и нового в Пензе человека, трудно даже представить себе; к тому

же это был человек очень добрый, благожелательный и благодушный; никакой политикой не занимался. Ввиду сего убийство о. Николая является особенно возмутительным. Светские власти и общество требовали немедленного закрытия семинарии. По распоряжению Св. Синода от 23 мая 1907 г., семинария закрыта на неопределенное время» [9, с. 472–475].

Авторы «Пензенских епархиальных ведомостей» оценивали события, происходившие в годы Первой русской революции, как «общественное несчастье» и размышляли над его причинами. «В чем причина наших общественных несчастий?» – восклицал автор, подписавшийся инициалами «М.В.», в одноименной статье: «Неужели лишь в том, что до сего времени мы жили теми формами государственной жизни, которые все же, худы они или хороши, создали русское государство, давали ему твердость и силу?» [10, с. 217]. Далее автор размышляет над вопросом, почему «наша русская государственная и общественная жизнь течет такими неправильными путями, сопровождается такими ужасающими событиями, проявляет столько зла и беззаконий, столько злобы и ненависти, разорения и разрушения». По мнению автора, имела место «нравственная причина», в обществе утрачено понимание добра и зла: «Разве не несчастье, что у нас потерялись всякий нравственный смысл, всякое человеческое чувство, и величайшие беззакония и злодеяния – убийства, грабежи, совершаемые среди белого дня, не только не считаются беззаконием, злом, а напротив – даже одобряются, радуют, а убийцы и грабители превозносятся, возводятся в великих людей, благодетелей человечества, коим готовы кланяться и прославлять?» [10, с. 215–216].

Далее автор перечисляет проявления «общественного несчастья». Во-первых, «наш крестьянин, которого мы считали благоговейным богоносцем, ныне, под влиянием проповеди “освободителей”, грабит своих соседей, сжигает, уничтожает всякими, часто бессмысленными и дикими способами их добро». Во-вторых, гибель «от руки убийц сотни царских слуг, верных исполнителей своего долга, не убоявшихся, по совести и в силу данной присяги, исполнить принятое на себя, или возложенное Царем и властями служебное дело» [10, с. 216].

Автора статьи крайне удивляло то обстоятельство, что изъяны общества вызывают у современников сокрушительный отклик: «У нас радуются, если услышат или прочитают о случаях измены воина данной присяге, неповиновения им своей законной власти, нарушения служебного порядка. Приходят в восторг, когда видят признаки упадка материального благосостояния нашего государства, когда враги издеваются над ним, радуются его несчастью, его ослаблению и унижению; помогают ослаблению, унижению своей родной земли, готовы разорвать ее, разделить то, что создали, приобретали наши предки, и при этом думают, что делают хорошо, делают то, что должны делать. Разве это не несчастье?» Великим бедствием автор назвал ежедневную сознательную ложь, которая стала «средством и орудием влияния печатного и устного слова на массы народа» [10, с. 216].

За гранью понимания автора находилась роль интеллигенции в происходивших событиях. «И чье сознание может вместить, – продолжает автор, – что убийцами, грабителями, сознательными лжецами, подстрекателями к беззакониям и преступлениям являются не невежды, ничему не учившиеся, не те, чей разум от пороков и беззаконий помутился, а совесть ослабела, а люди,

часто много и многому учившиеся, знакомые “с последними выводами науки и философии”, рассуждающие о благе народов и государств, о лучшем строе их жизни? Чья душа может мириться с тем, что оправдывают и даже сами поощряют беззакония, грабежи и убийства так называемые “лучшие русские люди, представители и избранники русского народа”, а к неповиновению законам государства зовут люди высокого умственного развития, просветители народа и юношества – светочи русской мысли, представители русской науки» [10, с. 215].

Вовлеченность интеллигенции в освободительное движение имела обратную сторону, которая выражалась в противоречии между идеалами интеллигенции и средствами их достижения. Политическим идеалом российской интеллигенции стало «переустройство гражданской и политической жизни на началах социально-экономического братства, равенства и свободы». Средства самой передовой интеллигенции символизирует красное знамя. Однако «средства эти самые бесчеловечные, противные элементарной нравственности и, конечно, духу христианства, и именно борьба самая ожесточенная, основывающаяся на безжалостном и бесчеловечном терроризме». Для достижения своих целей, своего идеала интеллигенция группируется в партии с незначительным курсом влево или вправо [11, с. 554]. Вербовка интеллигентов во фракции, партии, союзы, в целые движения – это «симптом подавления и даже убийства индивидуальных духовных свойств и качеств человека» [11, с. 555].

Независимо от умозаключений известных философов, епархиальные авторы в своих публикациях осознали и охарактеризовали сущность раскола русской культуры: «Когда высшая часть общества оторвалась от духовного союза с своею православною церковью и своим православным народом, поклонилась иноземной культуре, как своему богу, и стала служить ей, забыв о духовных интересах своего народа», в результате порвалась «цепь великая, цепь духовно-нравственной связи высшего общества с народом, и одним концом попав по барину, другим задела мужика. Именно в этом роковом разрыве образованного общества с народом заключается причина и источник наших бед, ибо с этого времени наши образованные люди перестали понимать свой народ, а народ с своей стороны перестал доверять им» [12, с. 292].

Почему образованные люди в стремлении быть «великими благодетелями» становятся «великими злодеями» и разоряют Россию? Вот еще один вопрос, поставленный епархиальными авторами перед читателями [10, с. 218]. И сами ответили на этот вопрос: «Весь ужас нашего времени в том, что мы не понимаем его причины и значения. Мы не замечаем того, что, потеряв Бога, мы потеряли все – всякое добро и способность к нему: наши понятия затемнились, убеждения извратились, сердце наше огрубело, ожесточилось. Мы стали “переоценивать все ценности” и потеряли цену души человеческой и самого человека» [10, с. 223]. Вывод анонимного автора неутешителен: «Современная общественная жизнь пребывает в состоянии духовного паралича» [11, с. 550].

Священник Алексей Швецов охарактеризовал происходившее как «время религиозного одичания». По его мнению, это выражалось в полном неверии, в отпадении из православия в раскол и сектантство, в религиозном индифферентизме и, наконец, в пренебрежительном отношении к Церкви

[13, с. 1007]. Другой автор констатировал «омертвление церковно-приходской жизни» [3, с. 717].

Еще один вопрос был поставлен авторами на страницах «Пензенских епархиальных ведомостей»: кто же был виноват в происходящем? В качестве виновников называли собственно «революционное брожение», а также интеллигенцию и даже само духовенство. Так, В. Иссинский сделал признание: «Не виноваты ли мы пред церковь, государством и народом? Ответ один: да, виноваты. Мы спали, а враг рода человеческого пришел и посеял плеве-лы. Поэтому и мы оказываемся в известной мере виноватыми в современных нестроениях, в нравственном разложении общества» [14, с. 557].

В статье «Кто же виноват и где искать выхода?» подчеркивается, что «освободительное» движение поставило пред духовенством целый ряд вопросов первостепенной важности, например, каким должен быть образ истинного пастыря. Образ церковной жизни подвергался критике со стороны самих священнослужителей, которые констатировали, что важным фактором ослабления влияния Русской церкви является «недостаточное благочиние в совершении церковной службы». Священник Алексей Швецов писал: «Уже с давних времен недостаток церковной службы бросался в глаза. Бестолковое чтение псаломщиков является неисчерпаемым источником разного рода острот» [13, с. 1011]. В итоге духовенство пересмотрело всю свою жизнь и деятельность, определило согласованность их с канонической нормой и запросами современности, осудило негодное старое и наметило дальнейший путь своей работы. Автор подчеркивал искренность желания духовенства «обновиться» [3, с. 715].

Для духовенства животрепещущим был вопрос об участии в освободительном движении и политических партиях. Должен ли участвовать пастырь в освободительном движении? Над этим задумывался каждый священнослужитель. В. Иссинский в статье «Что нам делать?» писал, что духовенству открылась возможность принять участие в общественной и государственной деятельности. Прежде священнослужители были устранены от непосредственного участия в этой деятельности. Далее Иссинский самокритично признает, что духовенство ограничилось только «пастырским попечением о спасении душ вверенного нам словесного стада Христова, и закрыло глаза на неправды и язвы, разъедающие народное благо». Поэтому «освободительное движение» стало совмещаться с насилием и террором, враждебностью по отношению к церкви [14, с. 563].

Священник Николай Быстров в статье предостерег современных пастырей церкви от уклонения от участия в освободительном движении [5, с. 334]. Однако участие священства в государственной жизни, по его мнению, не должно было быть сведено к его подчинению какой-либо из политических партий или созданию своей собственной партии: «Наше участие, говоря языком партий, должно быть участием свободных рук для того, чтобы поддержать нашу пастырскую силою то, что действительно ценно и истинно. А истинно и ценно только то, что согласно с духом христианства, с заветами Евангелия» [5, с. 344]. Быстров поделился наблюдениями, что значительная часть духовенства с увлечением «ухватилась за новую обязанность, с величайшим интересом повлеклась в водоворот политических мнений, партий и коллизий». Некоторые пастыри забыли даже, что они пастыри, и стали

трактовать себя исключительно лишь политическими деятелями, борцами, агитаторами, сторонниками партий и т.п. Автор предупреждает: «Необдуманное увлечение пастырей политикой предосудительно, так как идет разрез и прямой ущерб пастырству» [4, с. 296].

Анонимный автор в статье «Пастырство и политика» подчеркнул, что участие пастыря в политике «обособляет пастыря от всех прочих граждан» [4, с. 297]. Поскольку пастырство и политика по своей сущности – «две сферы жизнедеятельности, вполне различного, можно даже сказать, противоположного характера. Поэтому-то участие в обоих и ставит пастыря в запутанное и затруднительное положение» [4, с. 299]. По его мнению, если в политических отношениях есть светлые, добрые и нравственные стороны, то они заимствованы из религиозно-нравственной области и непременно через пастырство, которое является проводником религиозно-нравственных отношений. «Моральная подкладка политических отношений – идеи свободы, равенства и братства – заимствованы из религиозно-нравственной сферы», – подчеркнул автор. Однако политика основывается на принципах господства и обладания. Субъективный орган их – эгоистическая воля человека. Поэтому на политической почве происходит столкновение личных волеизъявлений, борющихся за обладание и господство. «Отдельные воли или личности объединяются в партии для большей успешности в борьбе за господство над прочими людьми и обладание земными благами, – делает вывод мыслитель. – Различные партии борются за них всеми силами, способами и средствами, ненавидят одна другую, кланут, истребляют и т.п.» [4, с. 300].

Итак, анализ публикаций «Пензенских епархиальных ведомостей» позволяет сделать вывод о том, что с 1905 по 1910 г. духовенство было глубоко вовлечено в происходящие события и наблюдало революционный взрыв «изнутри» народных масс, так как было тесно связано с крестьянством – самым многочисленным сословием Российской империи. Мысли и чувства епархиальных авторов, среди которых были как священнослужители, так и представители религиозной интеллигенции, позволяют изучить картину (ландшафт) провинциальной повседневности и основные социальные противоречия на фоне революционных перемен. В публикациях отражается кризис синодальной системы, осознание авторами бюрократизации Церкви и падения общественного авторитета духовенства, которое вынуждено было разделить с государством ответственность за неразрешенные противоречия в обществе. Многие священнослужители стали сознавать необходимость реформирования Церкви и стремились к обновлению приходской жизни. Факты подтверждают мнение историка М. В. Шкаровского относительно того, что в Церкви также созрела своеобразная «революционная ситуация». С 1905 г. основная часть духовенства проявляла недовольство политикой Святейшего синода и обер-прокурора.

Первая русская революция была оценена как анархия, политическая смута, общественное несчастье. В условиях противоборства классов и ожесточенной полемики разных политических партий духовенство пыталось определить свой социальный статус и роль в грядущих переменах. Церковные авторы подчеркивали причастность духовенства к интеллигенции, которую часто критиковали, и крестьянству, которому всецело сочувствовали.

Русская церковь была вынуждена соотносить христианские идеалы с политикой, искать свою платформу среди программ других партий. Политические доктрины левых партий вызывали критику церковных авторов, некоторые из которых подчеркивали несовместимость социализма и христианства, поскольку социализм допускал принуждение и насилие, а христианство основывается на любви к человеку. Однако звучали и мнения, что духовенство не может устраниваться от участия в общественной жизни, иначе окажется «за бортом истории». Авторы публикаций сознавали, что возврат к прошлому уже невозможен, а будущее страны, Церкви и духовенства вызвало тревогу и опасения, поскольку рост антицерковных настроений в обществе продолжался. Призыв к «социальному перемирию» станет лейтмотивом многих публикаций «Пензенских епархиальных ведомостей» вплоть до закрытия издания в 1917 г.

В начале XX в. авторы «Пензенских епархиальных ведомостей» привлекали внимание своих читателей к злободневным проблемам повседневности, отстаивая мнение, что выход из кризиса возможен на основе социального перемирия, реформ и отказа от насилия, будущие масштабы которого были еще неизвестны, но предвосхищались в политических дебатах разных партий относительно роли Церкви в государстве и обществе, а также в нарастании социального конфликта вокруг духовенства.

Список литературы

1. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке // Санкт-Петербургская духовная академия. URL: <https://spbda.ru/publications/professor-mihail-shkarovskiy-russkaya-pravoslavnaya-cerkov-v-xx-veke/> (дата обращения: 01.05.2024).
2. Карнишина Н. Г. Дискуссия в печати второй половины XIX в. о месте и роли Русской православной церкви в общественной жизни пореформенной России // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. История. 2020. № 3 (55). С. 15–20. doi: 10.21685/2072-3024-2020-3-2
3. Кто же виноват и где искать выхода? // Пензенские епархиальные ведомости. 1907. №16. С. 715–721.
4. Пастырство и политика // Пензенские епархиальные ведомости. 1907. № 8. С. 295–302.
5. Быстров Николай, священник. Освободительное движение и современный пастырь // Пензенские епархиальные ведомости. 1906. № 7. С. 331–347.
6. Иссинский Владимир, священник. Приниженность духовенства // Пензенские епархиальные ведомости. 1907. № 20. С. 951–967.
7. По Епархии // Пензенские епархиальные ведомости. 1906. № 19. С. 1007.
8. По Епархии // Пензенские епархиальные ведомости. 1906. № 16. С. 861–863.
9. Ужасное злодеяние // Пензенские епархиальные ведомости. 1907. № 11. С. 472–475.
10. В чем причина наших общественных несчастий? // Пензенские епархиальные ведомости. 1908. № 6. С. 215–224.
11. Духовный паралич общества // Пензенские епархиальные ведомости. 1908. № 15. С. 549–560.
12. Церковь и современное общество (интеллигенция) // Пензенские епархиальные ведомости. 1910. № 9. С. 289–300.
13. Швецов Алексей, священник. Религиозное одичание, его причины и борьба с ним // Пензенские епархиальные ведомости. 1910. № 24. С. 1007–1014.
14. Иссинский Владимир, священник. Что нам делать? // Пензенские епархиальные ведомости. 1906. № 11. С. 557–566.

References

1. Shkarovskiy M.V. The Russian Orthodox Church in the 20th century. *Sankt-Peterburgskaya dukhovnaya akademiya = Saint Petersburg Theological Academy*. (In Russ.). Available at: <https://spbda.ru/publications/professor-mihail-shkarovskiy-russkaya-pravoslavnaya-cerkov-v-xx-veke/> (accessed 01.05.2024).
2. Karnishina N.G. Discussion in the press of the second half of the 20th century about the place and role of the Russian Orthodox Church in the public life of post-reform Russia. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnyye nauki. Istoriya = University proceedings. Volga region. Humanities. History*. 2020;(3):15–20. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2020-3-2
3. Who is to blame and where to look for a way out? *Penzenskiye yeparkhial'nyye vedomosti = Penza diocesan proceedings*. 1907;(16):715–721. (In Russ.)
4. Pastoral care and politics. *Penzenskiye yeparkhial'nyye vedomosti = Penza diocesan proceedings*. 1907;(8):295–302. (In Russ.)
5. Bystrov Nikolay, svyashchennik. The liberation movement and the modern pastor. *Penzenskiye yeparkhial'nyye vedomosti = Penza diocesan proceedings*. 1906;(7):331–347. (In Russ.)
6. Issinskiy Vladimir, svyashchennik. Humiliation of the clergy. *Penzenskiye yeparkhial'nyye vedomosti = Penza diocesan proceedings*. 1907;(20):951–967. (In Russ.)
7. By Diocese. *Penzenskiye yeparkhial'nyye vedomosti = Penza diocesan proceedings*. 1906;(19):1007. (In Russ.)
8. By Diocese. *Penzenskiye yeparkhial'nyye vedomosti = Penza diocesan proceedings*. 1906;(16):861–863. (In Russ.)
9. A terrible crime. *Penzenskiye yeparkhial'nyye vedomosti = Penza diocesan proceedings*. 1907;(11):472–475. (In Russ.)
10. What is the cause of our social misfortunes? *Penzenskiye yeparkhial'nyye vedomosti = Penza diocesan proceedings*. 1908;(6):215–224. (In Russ.)
11. Spiritual paralysis of society. *Penzenskiye yeparkhial'nyye vedomosti = Penza diocesan proceedings*. 1908;(15):549–560. (In Russ.)
12. The Church and modern society (intelligentsia). *Penzenskiye yeparkhial'nyye vedomosti = Penza diocesan proceedings*. 1910;(9):289–300. (In Russ.)
13. Shvetsov Aleksey, svyashchennik. Religious savagery, its causes and the fight against it. *Penzenskiye yeparkhial'nyye vedomosti = Penza diocesan proceedings*. 1910;(24):1007–1014. (In Russ.)
14. Issinskiy Vladimir, svyashchennik. What should we do? *Penzenskiye yeparkhial'nyye vedomosti = Penza diocesan proceedings*. 1906;(11):557–566. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Сергей Викторович Домнин
ректор, Пензенская духовная
семинария Пензенской епархии
Русской православной церкви
(Россия, г. Пенза, ул. Перекоп, 4)

Sergey V. Domnin
Rector, Penza Theological
Seminary of the Penza Diocese
of the Russian Orthodox Church
(4 Perekop street, Penza, Russia)

E-mail: serafim.mitr@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 11.12.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 16.01.2025

Принята к публикации / Accepted 01.02.2025